

П.Н.Ткачев.

**Терроризм как единственное средство
нравственного и общественного возрождения России**

Петр Никитич Ткачев (1844-1886) - идеолог "русского бланкизма" - происходил из купеческой среды (хотя его отец за беспорочную службу получил дворянство, распространившееся и на детей). После учебы в гимназии в 1861 г. был зачислен на юридический факультет Петербургского университета, где оказался в гуще революционного движения. Вскоре Ткачев попадает в заключение в Петропавловскую крепость, его отчисляют из университета, но вся последующая жизнь будет связана с движением разночинной интеллигенции во всех его общественных и подпольных формах. Во второй половине 1860-х годов активно сотрудничая в журналах он сложился как публицист, чей авторитет и популярность в радикальных кругах приобрели устойчивый характер. После ареста в 1869 г. Ткачев четыре года провел в заключении, а затем отправлен в ссылку, откуда бежал в декабре 1873 г. За границей Ткачев - один из руководителей русских революционеров, автор многочисленных брошюр и статей. Представленная статья была опубликована в газете "Набат" (Женева) в сентябре 1881 г. В ней ткачевская проповедь терроризма достигает своей кульминации - революционный терроризм, как разрушающий иллюзию неприкосновенности самодержавия, рассматривается Ткачевым как единственное средство, способное освободить Россию и привести ее к нравственному возрождению.

"Кто только вдумается в современное положение России, придет необходимо к заключению, что положение это одно из тяжелых и быть продолжительным не может. Наше экономическое положение потрясено; финансы в расстройстве; в управлении по крестьянским делам обнаружилось такие существенные недостатки, что правительство нашлось вынужденным передать на рассмотрение земств вопрос о реорганизации крестьянских учреждений; крестьяне, составляющие в общей массе народонаселения России 80%, обеднели и оказываются почти не в состоянии нести тяжесть лежащих на них повинностей; учебная часть поставлена дурно, а учреждению народных школ и развитию грамотности в народе бывшее министерство народного просвещения ставило преднамеренные препятствия; еврейские беспорядки обнаружили присутствие в народных массах недоброго чувства не только против евреев, но и вообще против имущих классов; полиция оказывается несоответствующею обязанностям, на нее возложенным, и урядники вместе со становыми и исправниками не приносят ни народу, ни правительству пользы; злоупотребления и хищения расстроивают народный организм..."

Вышеприведенная выписка сделана нами не из какой-нибудь "подпольной" брошюры, не из какой-нибудь революционной прокламации, не из какого-нибудь заграничного издания, - нет, она

сделана из передовой статьи ЛЬ 174 (от 25 июня 1881) "Голоса", газеты, которую, конечно, никто не упрекнет в политической неблагонадежности, в недостатке холопского пресмыкательства, полицейского рвения и иных добродетелях, присущих российскому верноподданному. Если "Голос" так характеризует современное положение России, если даже он находит его невыносимо тяжелым, то страшно даже подумать, каково же оно должно быть в действительности! Каково оно должно быть в действительности, если сознание его невыносимости начинает проникать в умы даже того забитого чиновничества, того отупелого и погрязшего в хищничестве дворянства и купечества, той развращенной, изолгавшейся и исподличавшейся "интеллигенции", отголоском чувств и мнений которых служат "Голос" и иные подобные ему представители нашей полицейско-официозной прессы! Но кто же довел Россию до такого положения? кто расстроил и погубил народное благосостояние? кто довел массу народонаселения до состояния нищенства и хронического голода? кто задавил крестьянство под "бременем непосильных" налогов и повинностей? кто препятствовал развитию в народе грамотности, кто "поставил дурно" нашу учебную часть? кто водворил во всех отраслях общественного управления систему "хищения и всяческих злоупотреблений"? кто наградил нас урядниками, становыми, исправниками и иными "блюстителями общественного спокойствия", не приносящими - по сознанию самих верноподданных - "ни малейшей пользы ни народу, ни государству"?

Кто? - Самодержавная, бесконтрольная, вездесущая и всемогущая власть "царя-батюшки". Ни один из верноподданных не может усомниться в этом факте, не перестав быть верноподданным. Усумниться в нем значит усумниться в силе, в всемогуществе, в самом **принципе** самодержавия. Но если **самодержавие** довело нас до такого положения, которое, по сознанию **верноподданнейших из верноподданных**, "продолжаться далее не может", если оно, по сознанию тех же верноподданнейших из верноподданных "потрясло наше экономическое состояние", "расстроило наши финансы", "ввергло большинство населения в бедность и нищету", "водворило во всех отраслях общественного управления систему хищничества и грабежа" и т.п., - то какие же чувства должно оно возбуждать к себе во всяком человеке, не утратившем "образа и подобия человеческого"? Чувство негодования, озлобления, презрения, ненависти и мщениия. Эти чувства должны вызываться в нем, так сказать, **сами собою**, помимо даже его воли и желания, чисто рефлексивным, роковым, неизбежным образом, подобно тому, - как вызывается чувство **боли** при известном раздражении нерва. По-видимому, невозможно себе представить такого нравственно и физически искалеченного и развращенного существа, которое было бы в состоянии с искреннею признательностью лизать руку, его защищающую, целовать ногу, его топчущую, которое было бы в состоянии пылать чувством любви, благодарности и уважения к тому, кто вверг его во тьму нищеты и невежества, кто отнял у него все его человеческие права, кто предал его в безграничную власть хищников и грабителей. По-видимому, подобного нравственного урода не может существовать, так как его существование было бы отрицанием всех известных нам законов, управляющих природою, не

только всякого **мыслящего**, но и просто даже **чувствующего**, организма. Потому, казалось бы, что и наши **верноподданные**, в качестве если не **мыслящих**, то хоть **чувствующих** организмов не могли бы и не должны были бы питать к самодержавной власти - источнику всех своих страданий и злосчастий - никаких иных чувств, кроме чувства озлобления, ненависти и негодования. Но что же мы видим на самом деле?

Чувствуя, и не только чувствуя, но и сознавая, и не только сознавая, но даже выражая это сознание в устном, а где и когда возможно, и в **печатном** слове, - чувствуя и сознавая невыносимость того положения, до которого довела нас самодержавная власть, наши верноподданные, в то же время, наперерыв спешат отличиться друг перед другом в выражении чувств "беспредельной благодарности", "бесконечной любви", "безграничной преданности" и "безусловного почтения и благоговения" к этой самой самодержавной власти! Со всех углов России и от всех сословий шлют они своему самодержавному палачу, тирану и грабителю свои верноподданнические излияния; со всех концов России и от всех сословий шлют они ему своих "выборных" депутатов, которые, от лица всех пославших их, лижут (не в литературном, а в буквальном смысле слова) ему ноги, целуют его руки и, обливаясь слезами, заверяют его в своей любви, преданности и благодарности!...

Читая официальные отчеты о всех этих верноподданнических "излияниях", "коленипреклонениях" и "лизаниях", становится стыдно и гадко называться **русским** и невольно вспоминаются слова поэта:

К чему скотам дары природы?

Их можно резать или стричь -

Наследье им, из рода в роды

Ярмо с гремушкой, да бич!

Каким же образом могли **до такой степени** атрофироваться в людях, не только чувство "собственного, человеческого достоинства", но даже и элементарное, животное чувство **себялюбия**? Каким образом могли они дойти до такого невероятного нравственного падения и самоуничужения?

Никто, разумеется, не исключая даже и самих верноподданных, не сомневается в том, что во всех этих "излияниях", "коленипреклонениях", "лизаниях" и "славословиях" очень мало искренности и правды, но очень много лжи и лицемерия. Омытая слезами благодарности руку, которая их бьет, выражая свою любовь, преданность и благоговейное уважение к чудовищу, которое их грабит, разоряет, унижает, топчет в грязи, верноподданные действуют очевидно под влиянием тех же самых мотивов, которыми во времена крепостного права определялись и обуславливались отношения бесправного раба-холопа к полноправному владыке-помещику. Мотивы же эти сводились - как всем известно - главным и почти исключительным образом к чувству страха, - страха за свою жизнь и личную безопасность. Под гнетом этого чисто скотского страха, вызываемого присутствием всякому животному инстинктом самосохранения, в душе раба-холопа вытравлялись постепенно все симпатические, человеческие чувства, извращались все его умственные и нравственные понятия, и он превращался действительно в какое-то нравственное чудовище, способное с

благоговением и признательностью лизать руку, которая его душит, целовать ноги, которые его топчут; нравственное чудовище, совершенно лишенное всякого сознания собственного достоинства, всякого сознания своих человеческих прав, совершенно неспособное ни к какой борьбе, ни к какому активному протесту. Упразднение крепостного права, устранив чисто **юридическую** (экономическая подчиненность осталась прежняя) подчиненность, в которой находилось крестьянство к помещикам, нисколько не устранило, а напротив еще больше усилило ту **подчиненность**, ту зависимость, в которой все русские верноподданные вообще находились и находятся, по отношению к самодержавной, бесконтрольной, всемогущей власти полицейско-бюрократического государства. Верноподданные, как во время, так и после крепостного права, остаются по-прежнему полными, безгласными холопами-рабами "царя-батюшки" и его слуг и клевретов. В силу основного принципа самодержавия, царь-батюшка, его слуги и клевреты по-прежнему остаются полными, неограниченными хозяевами и распорядителями имущества, чести, свободы, жизни и всех вообще человеческих прав верноподданного. Сознывая или если и не всегда сознавая, то все-таки чувствуя и чувствуя весьма осязательно на собственной шкуре, свое рабское, бесправное, зависимое положение перед "предержавной, самодержавною властью", верноподданные всех чинов и сословий, а преимущественно верноподданные средних, буржуазных и так называемых интеллигентных классов, постоянно живут, или лучше сказать, прозябают, под всепожирающим гнетом того же вечного, инстинктивного, животного страха, под гнетом которого, во времена крепостного права, прожили дворовые холопы самодержавных помещиков. И этот-то страх и заставляет так, как он заставлял и дворовых холопов, лизать руки и ноги их самодержавного барина; воскурять ему фимиамы и воссылать ему слезные благодарности за все то унижение, за все те муки и страдания, которым ему благоугодно подвергать их. Этот-то страх в такой же степени, если еще не большей, исказил и продолжает искажать их нравственную, человеческую природу, в какой он исказил и извратил природу дворового холопа. Он делает их совершенно неспособными - как делал и последнего - ни к борьбе, ни даже к пассивному протесту; он вытравляет из его ума самые элементарные понятия о правде и справедливости, из их сердца - самые элементарные чувства: человеческого достоинства, чести и самоуважения; он лишает их образа и подобия человеческого; он превращает их в бессмысленных скотов, с ослиным терпением несущих положенное на них ярмо; мало того, он атрофирует у них даже такие чувства, которые присущи и последнему скоту: собака, кошка защищают своих детенышей от своего владыки - человека; верноподданные же в угоду своего владыки-царя, откармливают его палачей мозгом и кровью своих собственных сыновей, дочерей, сестер и жен! Чтобы спасти свои шкуры, отец предает своего сына, жена - мужа, брат - брата! Как ужасен, как всемогущ и всемогущ должен быть **страх**, доведший тысячи, сотни тысяч людей до такого нравственного падения и вырождения, до такого нравственного уродства! Извращая и искажая нравственную природу человека, страх этот является в то же время одною из самых могучих и непоколебимых опор самодержавной власти

полицейско-буржуазного государства. В сущности говоря, последнее им только и сильно; исчезни страх из сердца верноподданных и самодержавное государство не могло бы просуществовать и дня. Потому-то все усилия людей, понимающих и сознающих весь ужас и всю невыносимость современного положения России, людей, искренно любящих народ и стремящихся к экономическому, политическому и нравственному возрождению своей родины, все усилия этих людей должны быть направлены к освобождению русского человека из-под гнета оболванивающего и оскотинивающего его страха. Только освободившись хотя отчасти от этого страха, он в состоянии будет нравственно возродиться, он сознает свои права, сознает всю унижительность своего рабства и делается способным к активной борьбе со своими тиранами, кровопийцами и эксплуататорами.

Но каким же образом, при существовании данных политических и общественных условий, возможно достигнуть освобождения верноподданного от гнетущего его страха? Ведь этот страх порождается именно этими данными политическими и общественными условиями, - условиями, при которых судьба, свобода, честь и жизнь верноподданного всецело и безусловно зависят от самодурного произвола самодержавных чиновников. Следовательно, страх может исчезнуть лишь с устранением этих, порождающих его условий. Но с другой стороны, как могут быть устранены последствия, при господстве страха, обезличивающего человека, забивающего в нем все человеческие чувства, делающего его неспособным ни к борьбе, ни к активному протесту?

Как выйти из этого, по-видимому, заколдованного круга? По мнению так называемых либералов из него нас может вывести лишь путь **мирного, постепенного общественного прогресса**; они утешают себя наивною мечтою, что будто бы при "благожелательном направлении самодержавной власти постепенно будут расширяться различные общественные свободы, будет распространяться образование и что естественным результатом этого развития образования и расширения свобод явится ослабление самодержавного гнета, то есть освобождения верноподданного от извращающего и оболванивающего его страха. Но ведь это несбыточная иллюзия, неосуществимая, химерическая утопия! Во-первых, при том отношении, которое существует у нас между верноподданными, с одной стороны, и самодержавною властью, с другой, последняя не имеет ни малейшего резона поступаться своими правами в пользу первых. Зачем? Ведь верноподданные не только не протестуют и не жалуются, но, напротив, постоянно заверяют ее (не только на **словах**, но и на деле) в своей преданности, любви и признательности. Во-вторых, если бы даже самодержавной власти и пришла невозможная фантазия развивать среди своих верноподданных человеческие идеи, и расширять их общественные свободы, то какой же бы от этого получился результат? Реформаторские попытки прошедшего царствования доказывают с очевидностью, не подлежащею ни малейшему сомнению, чему результат этот должен был бы равняться. Разве наши **думы**, наши **земства**, наша **магистратура** отваживались хоть когда-нибудь на серьезную попытку воспользоваться предоставленными им **свободами**? Напротив, при всяком удобном случае, они из кожи лезли, чтобы

засвидетельствовать перед самодержавною властью свою холопскую преданность и свое решительное нежелание в чем бы то ни было ей перечить и прекословить. Страх перед всемогущим самодержавием, страх вполне естественный и неизбежный, делал и делает наших верноподданных совершенно неспособными пользоваться какими бы то ни было свободами, которыми благоугодно будет самодержавной власти наградить их. Что же касается до распространения разумного, человеческого воспитания среди людей, потерявших - под гнетом страха - образ и подобие человеческого, то об этом смешно даже и думать... Разве рабская, извращенная **страхом** натура способна воспринять и подчиниться влиянию каких-нибудь, разумных, человеческих идей?

Нет, - единственно практическое, единственно действительное средство достигнуть политического и социального возрождения России состоит в том, чтобы освободить верноподданных от гнетущего их страха перед "властью предрержащею", и только тогда, когда они освободятся от этого страха, в них проснутся человеческие чувства, в них пробудится сознание их человеческих прав, у них явится и желание, и сила, и энергия бороться за эти права... А так как сила гнетущего их страха прямо пропорциональна силе, дисциплине и организации "предрержащей власти", то отсюда само собою следует, что для ослабления первой, т.е. силы страха, необходимо ослабить, расшатать, дезорганизовать силу второй, т.е. данной государственной власти. Достигнуть же последней цели, т.е. дезорганизовать и ослабить правительственную власть, при существующих условиях политической и общественной жизни России, возможно лишь одним способом: терроризированием отдельных личностей, воплощающих в себе, в большей или меньшей степени, правительственную власть. Скорая и справедливая расправа с носителями самодержавной власти и их клеветами производит на эту власть, как доказали события последнего времени, именно то действие, которое, с точки зрения истинных интересов верноподданных, должно быть для последних наиболее желательным. Она ослабляет эту власть, нагоняет на нее панику, расстраивает ее функции, заставляет ее - в буквальном смысле этого слова - терять голову. В то же время, она умалывает ее авторитет и разрушает ту иллюзию **неприкосновенности самодержавия**, в которую так искренне верит большинство верноподданных. Иными словами, революционный терроризм, дезорганизуя, ослабляя и запугивая правительственную власть (или, что все равно, носителей этой власти), тем самым содействует высвобождению верноподданных из под гнета оболванивающего и оскотинивающего их **страха**, т.е. содействует их нравственному возрождению, пробуждению в них, забитых страхом, человеческих чувств; возвращению образа и подобия человеческого... Революционный терроризм является, таким образом, не только наиболее верным и практическим средством дезорганизовать существующее полицейско-бюрократическое государство, является **единственным действительным** средством нравственно переродить **холопа-верноподданного в человека-гражданина**.